

2207

Флигель в новом мемориальном комплексе музея-заповедника Н. В. Гоголя.

О НЕМ спорили всегда. Яростно. Непримиимо. Позднее — потомки, сначала — современники. Друзья. Знакомые. Очевидцы. И, если разобраться, предметом споров становились не только литературные вкусы и разнотолкования взглядов — жизненная позиция писателя.

«Этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертию, назвать великим...» Горькое слово для сказавшего прольное слово Тургенева вернется ссылкой в Спасное-Лутовиново. Российская империя не допускала никакой правды. Разве не о ней оголь писал: «Сверху давит ила, а внутри нет духа». наче: смысла жизни, без которого, в его представлении, могло быть человека.

Когда-то в лицейские годы желаний было три. Служить справедливости — «я перебидал в уме все состояния, все должности в государстве и остановился на одном — на юстиции. Я видел, что здесь работы будет более всего...» В этом выборе он готов признаться даже родным. Для них все привычно разворачивалось заманчивой перспективой чинов, отличий, торжественного восхождения к высотам «тайных», «действительных», «статских». Гоголь не уточнял — для него справедливость жила в неукоснительном соблюдении закона. Для превознесенных и неопеченных. Для чиновных и безвестных. «Неправосудие,

С театром все иначе. О нем можно говорить, но нечего и думать связывать с ним свою жизненную дорогу. Собственно, была Васильевка — сонное старосветское гнездо.

А местный театр — это отец, Василий Афанасьевич. Мелкопоместный. Никаких чинов не выслуживший. Для окружающих до смешного честный. И влюбленный в сцену. Он может все: сочинить пьесу, поставить, сыграть любую роль, при надобности стать редким по живописи и остроумно рассказчиком. Сколько его сюжетов рассыпалось в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», сколько осколков комедий сохранилось в эпиграфах к ним!

критика, не пощадивших неизвестного поэта, Гоголь потратит последние гроши, чтобы скупили и сжечь тираж.

Литературное призвание... П. А. Плетнев, рекомендуя Гоголя вниманию Пушкина, напишет: «Он любит науки только для них самих и, как художник, готов для них подвергать себя всем лишениям». Гоголь и в самом деле увлечен историей и серьезно задумывается над 9-томным изложением событий средневековья. Он охотно оставит департамент ради места учителя истории, впереди его жлет университетская аудитория. А между тем Гоголь пишет, не стесняясь материальными лишениями («Что за беда — посидеть какую-нибудь неде-

зей. И здесь становится очевидным: выбор надо делать. Гоголь признается: «Я помещался на комедии». Привязанность к театру ожила в новой форме.

«Женихи», «Женитьба». Наконец, «Ревизор». Его петербургская постановка — взрыв негодования и восторгов. Мнимая снисходительность Николая I не обещает ничего доброго. Но не это волнует Гоголя. Он досадует на зрителей, которые не поняли до конца его замысла, и вдвойне на себя, что не сумел внятно выразить своей идеи. Поездка в Италию нужна, чтобы справиться с самим собой, своими обидами и ошибками. Тем более незадолго до столичной премьеры он писал, закрыв за собой двери университета: «В эти полтора года я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души. Уже не детские мысли, не ограниченный круг моих прежних сведений, но высокие исполненные истины и ужасающего величия мысли волновали меня». Его ждала его гениальная поэма «Мертвые души».

Как труден путь к осуществлению главного в жизни желания! В ноябре 1851 года состоится чтение автором «Ревизора» для труппы Малого театра. По окончании Гоголь попросит уезжавшего в Петербург Г. П. Данилевского передать его «должок» П. А. Плетневу. И только от Плетнева Данилевский узнает, что «должок» — деньги, которые Гоголь регулярно и безымянно присылает неимущим студентам Петербургского университета. Немалые деньги. Через три месяца, пересматривая вещи покойного, хозяин последней его квартиры А. П. Толстой не найдет ни денег, ни верхнего платья. Гоголя положат в гроб в том единственном сюртуке, в котором он ходил каждый день.

Благоразумие друзей ставало: «Надо наконец устроиться. Дописать книгу. Расплатиться с долгами. Упорядочить быт». А он до конца живет под чужой крышей. Запоем работает по уграм. Украинской выходит на Никитский бульвар, чтобы побродить по его аллеям. Отдает свободное время только тем, кто ему близок. И всегда молодым. «Нам давно следовало быть знакомыми», — обратится он к Тургеневу. Опоздав на чтение «Банкрута» Островского до конца прослушает пьесу стоя. Написанные им строки автор до конца станет носить в ладанке как благословение.

..Благоразумие еще вступит в спор перед кончиной Гоголя. Во время последней болезни давние друзья забудут навещать — их заменят толпы студентов, тревожно ждавших известий на бульваре. После смерти под пустяковым предлогом они же откажутся от участия в похоронах — студенты университета перенесут тело в университетскую церковь. Запруженные народом улицы и бульвары, семь верст пути гроба на плечах москвичей — Москва утверждала: справедливость Гоголя была справедливостью для каждого человека. «Нравственность, нравственность страждет — вот что главное...»

Николай Васильевич Гоголь — один из самых любимых писателей советских людей. Его книги многократно издаются на всех языках нашей Родины. Его пьесы ставят лучшие театры страны.

Гоголь — наш современник навсегда.

Нина МОЛЕВА.

СВЕТ ДОБРА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Исполняется 175 лет со дня рождения Николая Васильевича Гоголя. Эти заметки — о молодых годах великого писателя, о начале его творческого пути

величайшее в свете несчастье, более всего разрывало мое сердце...»

В свое время директор первой светской типографии, неуемный сочинитель реформ Михаила Аврамов мечтал об институте государственных адвокатов для защиты интересов тех, кто слишком «ничтожен», чтобы постоять за себя. Воспитанник Нежинской гимназии Николай Гоголь-Яновский верил в необходимость подобного института и не имел представления, что «государственная проделка» стоила любимцу Петра I пожизненного заключения. Впрочем, 18-летний гимназист ясно видит несовместимость своих целей с позицией обывателя. Спорить? «Не для того ли, чтобы смеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем, пустым человеком?» Делать, не тратя слов, любой ценой — убеждение на всю жизнь. Так станет с живописью — вторым юношеским желанием.

Увлечение пришло вместе с новым лицейским, только что окончившим Академию художеств, учителем. Сегодня о Капитоне Павлове напоминает разве только найденная автором в псковском музее «Игра в шашки» — сценка с застывшими в подробно перечисленных деталях фигурами. Но К. Павлов сумел сделать главное для учителя — не воспринять академической косности взглядов, согласиться на неуловительность учеников классическим приемом и в ходе поиска подкачать выразительные возможности изобразительных средств. Строки в «Арабесках»: «Как сравнить вас между собою, три прекрасные царицы мира? Чувственная, пленительная скульптура внушает наслаждение, живощь — тихий восторг и мечтание, музыка — страсть и смятение души...»

Подаренную лицейским учителем мечту среди близких не разделил никто: разве могла она иметь отношение к успехам будущего чиновника? Совсем недавно удалось узнать — Гоголь занимался в Академии художеств.

У Гоголей в Кишинцах особый флигель, где можно расположиться с детьми, — хозяин не хочет слышать об их отъездах в Васильевку. «Вы пишете, что не можете за мною прислать. Ах, сделайте милость, пришлите за мною! Нужды нет, что живете в Кишинцах...» В 14 лет трудно примириться, что родителей очередная постановка занимает больше каникул сына. Здесь нет актеров-профессионалов, только хозяева и гости. Значит, нет снисходительно-уничтожительной грани между зрительным залом и сценой. Как и в лицее, куда перенесет родительское увлечение, Гоголь-младший с первых же постановок — сочинитель, режиссер, художник, актер.

И необычность того, что занимает лицеиста. Роли без слов, старухи (лучшая — Еремеевна в «Недоросле»), старики, характеры, где старательно разработанный внешний рисунок стоит монолога.

Одноклассники не сомневались: он станет вторым Щепкиным. Проба на казенную сцену Петербурга и в самом деле опередит устройство на должность в департамент. Но до нее разговор с директором императорских театров: «Из какого звания?» — «Дворянин». — «Что же побуждает вас идти на сцену? Как дворянин, вы могли бы служить». — «Служба вряд ли может обеспечить меня, мне кажется, я не гоюсь для нее...» И заключение инспектора труппы: «Оказался совершенно неспособным, не только в трагедии или в драме, но даже в комедии». Естественность тона будет воспринята невыразительностью бездарности. «Гениальный комик», — отзовется через несколько лет Щепкин.

Ни одно из юношеских желаний не осуществилось.

Публикацию «Ганца Кюхельгартена» трудно назвать данью проснувшемуся авторскому тщеславию, скорей попыткой сколько-нибудь упорядочить материальные дела. Но напечатанная на собственные средства поэма не привлечет читателей. Единственными покупателями окажутся два

Н. В. Гоголь. Портрет А. Г. Венецианова.

лю без обеда?), условиями и неудобствами.

«Странное дело, я не могу и не в состоянии работать, когда я предан уединению, когда не с кем переговорить... Меня всегда дивил Пушкин, которому для того, чтобы писать, нужно было забраться в деревню, одному, и запереться. Я, наоборот...» Даже близким друзьям невозможно поверить, что «Майская ночь, или Утопленница» написана среди суетни приживалок в доме Васильчиковых, где Гоголю пришлось быть домашним учителем у недоразвитого ребенка. Они же стали и первыми слушателями строк: «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи!»

Верить в себя — овладеет ли он когда-нибудь этим искусством? В той мере, чтобы упорно добиваться задуманного, но не в той, чтобы испытывать довольство собой. «Вы, говоря о моих сочинениях, называете меня гением... Меня, доброго, простого человека, может быть, не совсем глупого, имеющего здравый смысл, называть гением! Я вас прошу, маменька, никогда не называйте меня таким образом, а тем более еще в разговоре с кем-нибудь».

Казалось, такой бесспорный успех «Вечеров на хуторе близ Диканьки», смех наборщиков («Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни»), восторги Пушкина, Жуковского — и непреодолимое желание проверить свой успех в незнакомой Москве.

Аксаковы, Щепкин, Патриарх русской поэзии И. И. Дмитриев с его неразлучным ручным журавлем. Москва наполнилась множеством дру-